

Дина МАГОМЕДОВА

Работы М. Л. Гаспарова о Вяч. Иванове

Когда Андрей Шишкин предложил мне подготовить для нынешнего симпозиума доклад на заданную тему, я легкомысленно согласилась, не подозревая в ту минуту, что доклад следовало бы назвать иначе: «Почему М. Л. Гаспаров почти не писал о Вяч. Иванове». Ибо при первом же приближении к текстам я обнаружила, что работ непосредственно об Иванове у Михаила Леоновича обескураживающе мало, а то, что написано, разительно отличается и по тону, и по способу освещения и охвата материала от того, что М. Л. Гаспаров написал, например, о Брюсове, Белом, А. Блоке и даже о поэтах несравненно меньшего масштаба.

Собственно, специальная работа об Иванове у М. Л. Гаспарова одна: «Лекции Вяч. Иванова о стихе в Поэтической Академии 1909 г.»¹. Жанр этой работы — публикация протоколов занятий Вяч. Иванова с молодыми поэтами. М. Л. Гаспаров предварил публикацию краткой (менее двух страниц обычным шрифтом) вступительной заметкой и столь же лаконичными комментариями, которые помещены прямо в публикуемом тексте и отделены от публикуемых фрагментов другим шрифтом.

О характере вступительной заметки и комментария к тексту надо сказать особо. Протоколы записаны рукой М. М. Замятниной, о которой в краткой вступительной заметке говорится, что «предмет она понимала плохо и, как непривычный студент, конспектирующей лекцию сплошь и рядом записывала не то, что важнее, а то, что легче улавливается»². Записи Замятниной названы «неразборчивыми и невразумительными»³, и потому ни во вступительной заметке, ни в комментариях к фрагментам текста нет реконструкции и анализа системы стиховедческих идей и представлений Вяч. Иванова, но есть, попросту говоря, расшифровка «невразумительных» записей и научно корректное изложение их содержания. То есть реконструируются

отдельные фрагменты собеседования Иванова и присутствующих на лекциях молодых поэтов (Ю. Н. Верховского, Е. И. Дмитриевой, А. Н. Толстого и др.), но не стоящее за этими фрагментами целое (например: «Разговор переходит на рифму. Описывается одна из самых ранних средневековых рифмовок — испанский ассонанс через строку, иногда сопровождаемый чередованием мужских и женских окончаний»⁴).

Лишь в нескольких комментаторских заметках М. Л. Гаспаров делает замечания более общего и оценочного характера. В одном случае он замечает, что Вяч. Иванов «представлял себе богатую рифму в соответствии с французской традицией, как позднее явление (эпоха романтизма), как увенчание истории развития рифмы». И тут же комментирует: «Это интересно, потому что сам Вяч. Иванов наряду с И. Анненским был главным насадителем вкуса к богатой рифме в русской поэзии начала века. Только Анненский открыто изъяснял свою связь с французской поэзией, а Иванов предпочитал ее скрывать»⁵.

В связи с высказываниями Иванова о белом стихе М. Л. Гаспаров резюмирует: «Противоречивость высказываний В. Иванова — оттого, что в сознании у него все время был нерифмованный античный стих, а перед глазами — «разговорный» белый стих шекспировский и романтической драмы»⁶.

Еще два замечания тоже апеллируют к имплицитно присутствующим, но не раскрываемым прямо образцам и предпочтениям Иванова: 1) «Избегание гиатуса, двух несливающихся гласных на стыке слова — тенденция греческой художественной прозы <...>; этот вкус Иванов переносит на русскую поэзию»⁷. 2) «Свободный стих молодого Гете был образцом для самого Иванова в некоторых стихотворениях «Кормчих звезд» и «Прозрачности». Характерно, что о французском свободном стихе, очень важном, например, для Брюсова, даже не упоминается»⁸.

Эта единственная работа М. Л. Гаспарова, полностью посвященная Вяч. Иванову, выявляет две особенности, которые прослеживаются и в других исследованиях, где обнаруживаются упоминания об Иванове или даже посвященные ему разделы. Первая особенность состоит в том, что Иванов рассматривается как будто через призму чужого сознания: в данном случае через восприятие М. М. Замятниной, а также через восприятие молодых поэтов, для которых мэтр и читал лекции в Поэтической Академии на «башне» и в редакции «Аполлона». В первом же абзаце вступительной заметки М. Л. Гаспаров особо оценивает, «во-первых, такой историко-культурный факт, как желание молодых писателей просветиться по части стихосложения не только практически, но и теоретически;

а во-вторых, тот нулевой уровень, с которого пришлось В. Иванову начинать свое просветительское дело»⁹.

Вторая особенность заключается в том, что позиция Иванова постоянно сопоставляется с позициями его собратьев по символизму, которые зачастую выглядят предпочтительнее (дважды читателю дают понять, что Иванов, выстраивая свои генетические корни, далеко не всегда искретен, в отличие от Анненского или Брюсова).

Нечто похожее наблюдается в статье «Подстрочник и мера точности»¹⁰, где перевод Иванова отрывка из поэмы Ованеса Туманяна «Ануш» дается в сравнении с переводом Брюсова, причем брюсовские принципы перевода выглядят предпочтительнее: «Перед нами два разных типа обращения с подстрочником (не говорим пока: «с оригиналом»). Брюсов старается сохранить каждое слово подстрочника и лишь переставляет их ради метра или заменяет некоторые ради стиля, а Иванов пересказывает подлинник своими собственными словами. Переводы эти можно противопоставить как «точный» («буквалистский» в буквальном смысле этого слова) и «вольный» («творческий», как принято ныне выражаться)»¹¹.

Вторая особенность — взгляд на Иванова через призму другого сознания — особенно очевиден в статьях М. Л. Гаспарова о совершенно забытой поэтессе, напечатавшей при жизни всего 19 стихотворений, Вере Меркурьевой, считавшей Вяч. Иванова своим духовным учителем и несколько лет бывавшая в его доме в Москве¹². Центр всех трех статей — именно маргинальная фигура Меркурьевой, а Вяч. Иванов рассматривается через отношение к этой, совершенно случайно оказавшейся вблизи и несопоставимой по масштабу личности. Если можно так выразиться, то в этих статьях М. Л. создал, так сказать, косвенный портрет Вяч. Иванова, о котором сейчас я не буду говорить подробно.

Помимо названных работ, Иванов так или иначе упоминается в общих монографиях, посвященных теории и истории стиха — «Современный русский стих» и «История русского стиха» (через запятую не только с примерами из Брюсова или Блока, но также из Демьяна Бедного и Агнии Барто), а также в книге «Русский стих начала XX века в комментариях» и в некоторых статьях, посвященных общим вопросам поэтики Серебряного века¹³.

Книга «Русский стих начала XX века в комментариях» завершается краткими справками о представленных в ней авторах. Об Иванове сказано: «Крупнейший поэт и теоретик *символизма как мировоззрения*» (выделено мной, уточнение очень важно. — Д. М.). И добавлено: «Филолог и историк по образованию, он в совершенстве владел имитациями античных и ренессансных стихотворных форм»¹⁴. При этом кажется странным, что в книге «Метр и смысл» (М., 1999) примеров

из Иванова почти нет (два упоминания!), и даже в главе о дериватах гексаметра о нем не говорится ни слова.

Особого внимания заслуживают две работы, в которых М. Л. Гаспаров непосредственно обращается к семантическому анализу стихотворений Вяч. Иванова. Первая — брошюра, почти не известная и малодоступная российскому читателю брошюра «Античность в русской поэзии начала XX века», представляющая собой материалы спецкурса, прочитанного в Пизанском университете¹⁵. В центре внимания в лекциях оказались стихи Валерия Брюсова, но в качестве материала для сравнения привлечена баллада Вяч. Иванова «Суд огня». О методике этого разбора еще будет сказано специально. Вторая работа — статья «Антиномичность поэтики русского модернизма», в которой анализируется стихотворение Вяч. Иванова из третьей части мелопеи «Человек» «Звезды блещут над прудами...». Цель анализа — продемонстрировать так называемый «декларативно-программный стиль», который, по Гаспарову, преобладает в поэзии Вяч. Иванова, как и у З. Н. Гиппиус или Ф. Сологуба. Общим, с точки зрения ученого, в этих стихах «остается одно: образы у этих поэтов многозначительны, но не многозначны, смысл их устойчив, и называть их уместнее не символическими, а аллегорическими». При этом об Иванове сказано особо: «...В концепции Иванова символизм был не художественной манерой с такими-то суггестивными средствами поэтики намеков, а религиозно-философским мировоззрением, в котором всякий художественный образ большой поэзии был выражением высокого смысла, так что символистами оказывались не только немецкие романтики, но и Гете и Пушкин»¹⁶.

Это замечание вызвало необычно резкую и принципиальную отповедь в книге С. С. Аверинцева «“Скворешниц вольных граждан...” Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами» (СПб., 2001): «С некоторым удивлением отметим, что М. Гаспаров <...> принципиально оспаривает именно символический характер поэтического метода Вяч. Иванова. В сущности, литературоведческое мировоззрение М. Гаспарова не оставляет места для концепта символа в смысле, скажем, шеллинговском; для него существует с одной стороны, аллегии, с другой — зыбкие намеки. Многозначность оказывается непременно связана с зыбкостью, а связность — с однозначностью, но так ли это? Избранный М. Гаспаровым пример — стихотворение Вяч. Иванова «Звезды блещут над прудами» (из мелопеи «Человек»); однако предложенная им попытка «дешифровать» аллегию в описательном пересказе едва ли может быть признана убедительной»¹⁷.

Правда, собственной интерпретации этого стихотворения, которая могла бы уточнить или опровергнуть анализ М. Л. Гаспарова,

С. С. Аверинцев не дает. Однако полемический отклик не случаен, и, может быть, именно это противостояние в оценке фигуры Иванова и позволяет ответить на вопрос, поставленный в самом начале моего сообщения: почему М. Л. Гаспаров так мало писал об Иванове?

Спор о том, является ли символизм поэтической школой или еще и религиозно-философским мировоззрением, вызывает в памяти известную полемику о кризисе символизма в 1910 г., когда в ответ на доклады Вяч. Иванова («Заветы символизма») и Блока («О современном состоянии русского символизма») В. Я. Брюсов написал резкую статью «О «речи рабской» в защиту поэзии», настаивая на том, что «символизм есть *метод* искусства» и восклицая: «Неужели после того, как искусство заставляли служить науке и общественности, теперь его будут заставлять служить религии! Дайте же ему, наконец, свободу!»¹⁸.

Два крупнейших поэта, два мэтра, принадлежащие к двум разным поколениям русских символистов, две центральные фигуры литературного процесса во многом схожи. Оба обладали огромной энциклопедической эрудицией, оба ориентировались на всю мировую культуру, оба имели репутацию ученых поэтов-александрийцев. Обоим была свойственна определенная просветительская установка — не случайно после 1917 г. оба профессорствовали в университетах. Для обоих особую роль в их творчестве играла античность, и оба по образованию были филологами-классиками и историками. Во многом схоже их отношение к стиховой культуре: оба были склонны к экспериментам, стилизациям, созданию своеобразных поэтических антологий. Оба активно переводили с разных, в том числе и с древних языков. Личные взаимоотношения были по преимуществу дружескими¹⁹.

Однако хорошо известно и то, что принципиально делало их лидерами противостоящих друг другу тенденций внутри символистской школы. И дело не только в том, что Брюсов видел в символизме литературную школу, а Иванов — «синкретический религиозно-философско-эстетический метод»²⁰. Отношение к столь дорогой для обоих художников мировой культуре тоже во многом было различно. Брюсов подходит к русской и европейской культуре с рационально-исторических позиций. Вяч. Иванов — с позиций мифотворческих, берущих начало от ницшеанской картины мира, представленной в «Рождении трагедии из духа музыки». Современная филологическая и историческая наука обоснованно подвергла критическому пересмотру концепцию «прадионисийства», на которой строится наукообразная, а на деле — неомифологическая концепция античной культуры Вяч. Иванова²¹. Характерно также, что Брюсов Рим предпочитает Греции, а Вяч. Иванов, вслед за Ницше, Грецию Риму.

От Брюсова в значительной степени берет начало формальный метод в литературоведении, от Вяч. Иванова — направление, связанное с именем М. М. Бахтина.

Два крупнейших ученых-филолога нашего времени — С. С. Аверинцев и М. Л. Гаспаров — по сути дела воспроизводят то же противостояние. При этом для М. Л. Гаспарова постоянным «героем» его историко-литературных и поэтологических штудий является Брюсов, а Вяч. Иванов — своего рода «антигероем». В преамбуле к своему спецкурсу М. Л. Гаспаров формулирует этот выбор с предельной четкостью: «Наш подход будет с точки зрения риторики; наша задача — проследить риторическое развертывание и украшение античной темы в русской поэзии начала XX века. Именно с точки зрения риторики, а не философии: эти два подхода спорили между собой еще с античных времен. Если бы наш подход был с точки зрения философии, прослеживал бы традиции античной мысли, а не слова, то главной фигурой этих лекций был бы В. Иванов, и тогда, наверное, этот курс лучше читал бы кто-нибудь другой. Но если наш подход — от поэтики и риторики, от традиции античного Слова и Образа, то главной фигурой оказывается не он, а Брюсов, поэт более поверхностный и оттого более влиятельный»²². Из приверженности М. Л. Гаспарова к формальному методу вполне закономерно вытекают и его ориентация на позитивистскую концепцию культуры и символа В. Я. Брюсова.

Для С. С. Аверинцева, напротив, «героем» оказывается Вяч. Иванов, а Брюсов — «антигероем». При этом по отношению к «антигероям» оба исследователя иногда допускают определенную предвзятость: так С. С. Аверинцев противопоставляя настоящую образованность Вяч. Иванова его современникам, добавляет: «Он решительно не мог бы <...> подставить ненароком на место латинского *lugere* («плакать») немецкое *lügen* («лгать»), как сделал однажды гордый своей гимназической латынью Валерий Брюсов»²³. При этом ссылается ученый не на письменный источник, а на устное свидетельство С. В. Шервинского. М. Л. Гаспаров явно неохотно включает ссылки на Вяч. Иванова в свои обзорные работы. Сравнивая подход двух поэтов к античному наследию, ученый признает, что Брюсов обращается с античными реалиями столь же вольно, как и Вяч. Иванов²⁴. Но неточности в воспроизведении античных сюжетов у Иванова оцениваются гораздо строже: «Иванов выступает здесь не перелазителем, а сочинителем мифа в буквальном смысле слова — мифотворцем, выдающим (как всякий мифотворец) свой новосложенный миф за унаследованный от древности»²⁵. Анти-бахтинские выступления М. Л. Гаспарова последних лет, на мой взгляд, — следствие того же неприятия традиции мифологизированной истории культуры.

Перед нами — две тенденции внутри русской науки о литературе. Трезвое, точное отношение к фактам, тексту, неприятие смешения научных задач с мифологией, — путь М. Л. Гаспарова. Путь безукоризненно честный, но, разумеется, не всеохватный. Второй путь — гораздо более рискованный, связанный с попытками соединить филологические задачи с философской или религиозной проблематикой. При всей субъективной непримиримости обоих путей, они представляют собой не просто разные подходы к культуре и к тексту, но по сути взаимодополнительные и равно необходимые для филологической науки.

